

Христианский анархизм Л. Н. Толстого: на пути к политической теологии*

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Климова С. М. Христианский анархизм Л. Н. Толстого: на пути к политической теологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.104>

В статье уточняется характеристика христианского анархизма в применении к религиозному учению Л. Н. Толстого. Дана попытка преодолеть политический стереотип его восприятия как анархиста, но при этом рассмотреть его в контексте политической теологии. При всей очевидной близости идей Толстого именно анархизму в статье ставится под сомнение правомерность рассмотрения его религиозного учения на политическом языке анархизма. Если понятие христианского анархизма является особой разновидностью теоретического и мировоззренческого оксюморона «религиозная политика», то учение Толстого рассмотрено как проявление его субъективизма, направленного одновременно на преодоление личностного, животного начала в человеке и выход к безличному всеобщему духовному началу, без всяких внешних ограничений. Свобода как важнейшая категория его мировоззрения представлена через единство с законом необходимости, абсолютным подчинением божественной воле и жизни по Христу, а не в форме радикального отрицания — анархизма. Политическая теология дана как сознательное неучастие частного человека в политике, т. е. отказ от государственной службы: в судах, армии, полиции и т. д., и есть, согласно Толстому, религиозно-субъективное, мирное разрушение несправедливой системы. На этом пути он пошел значительно дальше своих учителей-просветителей с их концепциями общественных договоров, создав модель не борьбы, не примирения, не договора, а отстранения от государства в форме неучастия в его деятельности. Но все это стоит делать не через реализацию модели анархического бунта, не ради собственного эгоизма (выгоды) или социальной справедливости, а всецело реализуя божественную волю, которая в учении Толстого является религиозной модификацией кантовского этического императива и которую В. Г. Чертков определил как модель теократического монархизма.

Ключевые слова: Толстой, монархизм, христианский анархизм, политический анархизм, философия свободы, необходимость, неучастие.

Введение в проблему

Два диаметрально противоположных концепта — христианство и анархизм — исторически соединены в понятие христианского анархизма и являются составной частью исследований в области политической теологии. Анархизм как теория

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100), <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>.

и учение направлено на политическое преобразование мира, на разрешение его главнейших противоречий при обсуждении тем власти, иерархии, насилия и т. д. Христианство в данном контексте направлено на поиск истинных, религиозных оснований и принципов божественного управления миром. Между «двумя лагерьями» — христианской религией и радикальной политикой анархизма как между этическим плюсом и политическим минусом, между добром и злом, между «да» и «нет» — всегда существовал непроходимый барьер. В этом смысле понятие христианского анархизма являет особую разновидность теоретического и мировоззренческого оксюморона.

Несмотря на это, исторических примеров христианского анархизма немало. Еще в работах ранних Отцов Церкви прослеживалась тенденция к осуждению власти и насилия как противоположных истинному христианскому учению мирских основ бытия [1].

Христианский анархизм как словосочетание для обозначения особого религиозного движения и мировоззрения, так же как и противоположное понятие революционного анархизма, возник не так уже давно — в середине XIX в., в период активного обсуждения различных социально-политических и теологических теорий по преобразованию общественного устройства на тех или иных духовно-религиозных или договорных началах.

В последнее время интерес к политической теологии растет, так как религия все больше рассматривается сквозь призму политической жизни, а политический дискурс все чаще эксплуатирует религиозные концепты и нарратив. В этом контексте можно выделить несколько способов разговора о христианском анархизме: а) анархическая критика религии; б) анархическая экзегеза; в) анархическое богословие; г) история религиозных анархистов [2, p. 8].

Несмотря на дифференциацию, все способы зачастую перемешаны в мировоззренческом «блендере» носителя христианского анархизма. Христианский анархизм настаивает на общности ценностей и идеалов, провозглашаемых в религии и политике: на отказе от первенствующей роли государства, осуждении его репрессивной функции или мнимого «права на насилие», ориентации на самоуправление и свободу коммун (общин), личностную свободу мысли и веры и т. д. Что касается «политического компонента» веры, то данная специфика отражена в антиклерикальном характере христианского анархизма, т. е. в отрицании церкви как социального института. Церковь здесь лишь официальный способ нравственной апологии государственного насилия, и на этом основании она и отвергается. Однако специфика христианского анархизма и в том, что, отрицая власть государства и его институций над «миром», он делает это в парадоксальной форме «перераспределения управленческих сил»: отдавая абсолютную власть и управленческую монополию над собой и миром исключительно Богу или его «божественным представителям»; христианский анархизм отрицает даже относительную власть мира над человеком.

Одним из значимых исторических примеров такой установки является творчество Н. А. Бердяева, который не только объявил себя духовным анархистом, но и однозначно считал, что «Царство Божье есть безвластие и свобода, на него не переносятся никакие категории властвования, царство Божие есть анархия» [3, с. 221]. Здесь христианство становится своего рода «монархизмом» (курсив мой. — С. К.), так как оно признает необходимость подчинения высшему и единственному

законодателью — Богу» [4, с.329]. Речь идет об абсолютизации вертикали власти Христа, Его Слова и Дела, предъявляющего требования духовного и нравственного совершенствования человеку и подчинения Его жизни своей Воле. Современный исследователь христианского анархизма А. Христоуаннополус (Christoyannopoulos) подытоживает: «Следовательно, будучи светским или религиозным, отказ анархиста от государства часто вытекает из приоритета, приписываемого чему-то, что затем интерпретируется как логически несовместимое с государством» [5, р. 57]. Данный приоритет становится идейным основанием, снимающим дурной релятивизм анархически объясняемой свободы. Ученый указал, что в христианском анархизме признается духовная (не церковная) иерархичность и принципиально отрицается политическая иерархичность мира (negation of any hierarchy) [6, р. 2].

Таким образом, «христианский анархизм» для указания своего неполитического содержания мог бы с успехом назваться и «христианским монархизмом», например, в разговоре об анархизме Л. Н. Толстого. В этом аспекте понятия анархизм и монархизм — лишь важные негативно-позитивные предикаты, указывающие на две стороны единой внесоциальной сущности христианства и особого отношения человека к Богу.

О толстовском анархизме

Приложение «христианский анархист» в отношении Толстого имеет прочную историю, так как одним из его теоретиков в России был В. Г. Чертков — друг Толстого и последовательный толстовец [4, с. 324]. Именно он распространил взгляд на Толстого как на христианского анархиста, невольно создав прецедент его восприятия и как политического анархиста — протестанта против власти и ее институций. Несмотря на то что поводов к такой трактовке предостаточно, зададим вопрос: а так ли уж она правомерна?

Казалось бы, задавать такой вопрос в свете общепризнанного способа разговора о Толстом как об анархисте после П. Эльцбахера (Elzbacher), П. А. Кропоткина, М. А. Бакунина и других исторических теоретиков как минимум дерзко. Проблемы анархизма Толстого находятся в обойме анализа многих известных современных толстоведов и историков. В современной отечественной литературе данной темой занимаются Г. В. Алексеева [7], И. А. Гордеева [8], А. Л. Зорин [9], О. П. Зубец [10], П. В. Рябов [11], Р. Н. Шимко [12] и др. В литературе исследовались его контакты и сопоставление с Бакуниным [13], Кропоткиным [14], Прудоном (Proudhon) [15, с. 383–392; 16; 17], с которым он лично познакомился при содействии А. И. Герцена еще в 1861 г. А. Христоуаннополус [5, р. 11–184; 18] считает толстовский анархизм результатом духовной эволюции писателя, наступившей сразу после кризиса в начале 1880-х годов. Ученый настаивает на рассмотрении философских идей Толстого в контексте политической теологии, делая упор на его антиклерикальную позицию. Он показал симметричность между толстовской критикой церкви и критикой всех институтов власти, включая культуру и искусство как ее мировоззренческие основания.

Отождествляли Толстого с анархистами и представители, и теоретики этого течения уже при его жизни. Он и сам живо интересовался их учением, читая труды Бакунина, Прудона, Кропоткина и др. Кропоткин также, в свою очередь, много вни-

мания уделял политическим идеям Толстого, хотя лично они так и не встретились, несмотря на то что прожили долгую жизнь в России в одно время. Если Кропоткин и Бакунин были примером *анархической критики религии*, то Толстой — примером *анархической экзегезы и богословия* [2, р. 3–5]. Бердяев уже после смерти Толстого нашел собственную формулу для определения толстовского анархизма, рассмотрев его как учение, в котором совпали настроение (личные убеждения) и учение: цель и средства, теория и практика (или, говоря словами С. Франка, политика и этика). В этом Толстой, с его точки зрения, радикально расходится со всеми остальными анархистами, ставшими заложниками противоречий между жаждой личной или социальной свободы и насильственными средствами, предлагаемыми ими для ее достижения.

В значительной степени отождествление учения Толстого с анархизмом подогревается его близостью к толстовцам, для которых принадлежность к анархизму была важным опознавательным мировоззренческим маркером [8, с. 146]. Не удивительно, что анархические рассуждения толстовцев автоматически экстраполируются и на самого Толстого, и наоборот¹. Действительно, все усилия после 1880 г. он, казалось бы, направил на развитие «первого принципа анархизма»: тотальную критику/неприятие государственного (и любого другого) насилия; причем насилие власти для него — не инвариантное понятие; оно не относительно с точки зрения «хороших» и «плохих типов» государственного управления, власти большинства или меньшинства; оно абсолютно несовместимо с честью, достоинством, духовным началом в человеке², как неприложимо прилагательное «хорошее», «свободное», «справедливое» к какому-либо типу государства по определению. В этом смысле Толстой был, наверное, более радикален, чем самые заядлые анархисты его времени.

При этом важно понять, на чем основана такая неприязнь к власти: является ли эта критика причиной или следствием его христианского мировоззрения; идет ли он от настроения к учению или от учения к вере и освобождению человека от силы «власти тьмы»³.

Христианство или анархизм: вот в чем вопрос

Рассуждать о христианском анархизме Толстого стало общим местом в научной среде. Тем не менее кажется, что признание его «христианским анархистом» должно вызывать недовольство и христиан, и анархистов. Можно сказать, что он был анархистом *среди христиан*, совершив анархическую экзегезу — собственный перевод четырех Евангелий, и своевольно (анархически) переписав их базо-

¹ Возможна и противоположная трудность — распространение идей Толстого на практики и мировоззрение толстовцев [8].

² Еще в романе «Война и мир» главный герой — Пьер Безухов, находясь в плену у французов, вдруг прозревает истинную формулу свободы: «В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу. Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!.. — смеялся он с выступившими на глаза слезами... Пьер взглянул в небо, вглубь уходящих, играющих звезд. “И всё это мое, и всё это во мне, и всё это я!” думал Пьер. “И всё это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!”» [22, т. 12, с. 105–106].

³ Так называется одна из пьес Толстого, описывающая гибель человеческой души под властью денег, разврата и лжи.

вые положения, разрушив всю метафизику, мистику и символику догматов, чудес и мистических преобразований (скорее отстраняясь от них, чем острамая их, как считал В. Б. Шкловский). А можно утверждать, что он был *христианином среди анархистов*, отказываясь от агрессии — политической борьбы за справедливое переустройство общества, за внешнюю свободу, за победу государственного безвластия, проповедуя нравственное требование подчинения жизни человека Христовой проповеди и практике жизни, т. е. полной «монархической/христианской аполитичности». В. И. Ленин назвал это «кричащими толстовскими противоречиями».

О недовольстве в среде христиан Толстым написано так много, что нет смысла повторяться; о недовольстве анархистов писателем было написано уже в книге его прижизненного биографа Эйлмера Моуда (Aylmer Maude) [20], который отмечал, что социалисты, революционеры, анархисты и нигилисты усилили свои обвинения против Толстого, утверждая, что он желает «противостоять деспотизму только метафизикой» [21, р. 201] и своими рассуждениями отвлекает массы от реальной — политической — борьбы.

Толстой и толстовцы, безусловно, раздражали также и царскую власть, действующую по заранее известным поведенческим алгоритмам, и православную церковь, которая в итоге исключила его «из своего лона» в 1901 г. Русское правительство объявляло его сумасшедшим; создавало вокруг имени Толстого политический вакуум, пытаясь ослабить его реальное колоссальное влияние на мир. При этом царское правительство в своей борьбе как будто не улавливало принципиальной разницы между толстовской религиозной проповедью непротивления злу насилием и анархической революционной агрессией террористов и революционеров⁴.

Толстовцы — близкие друзья писателя — подвергались жестоким гонениям и ссылкам в начале XX в., тогда как сам писатель был «неприкасаемой персоной». Толстой прекрасно уловил психологическую и безнравственную целенаправленность этой «воспитательной методы» власти. «Ведь дело все в том, что в числе всех зловредных элементов, которые нужно подавить, есть между прочим и Толстой со своей дурацкой проповедью какого-то выдуманного им христианства и бессмысленного непротивления. ... Самый простой способ был бы в том, чтобы судить Толстого, а то и просто, опять по тем особенным статьям, по которым мы поступаем теперь, посадить его в тюрьму лет на 5, там бы он и умер, и перестал бы беспокоить нас. Это, разумеется, было бы самое удобное, но за границей, не зная всю пустоту его учения, как мы ее знаем, приписывают ему некоторое значение... будем старательно и неуклонно... вредить и делать неприятности всем близким ему людям. Так что не мытьем, так катаньем все-таки заставим его замолчать» [22, т. 38, с. 129].

Рассуждения Толстого о себе в третьем лице — весьма показательный ход; он анализирует ситуацию отстраненно, вне эмоций, подчеркивая тем самым универсальность репрессивной поведенческой логики правительства по отношению к любого рода инакомыслию. Толстой показал сущность логико-идеологического приема авторитарной власти, делающего отдельного человека виноватым за преступные законы и действия самой власти. Сама же власть освобождает себя от любой ответственности, создавая порочный круговорот насилия и персональной безответственности. «Этический аргумент» о персональной ответственности «ви-

⁴ Не уловили этой разницы и многие философы после революции, сделав Толстого «ответственным» за революционные процессы в 1917 г.

новатого» за преступные постановления властей — наиболее частый прием в репрессивной политике подавления любого ростка свободы.

Эльцбахер [23] еще при жизни Толстого отнес его к одному из семи главных теоретиков анархизма (1906)⁵. Сегодня его текст выглядит весьма архаичным, особенно в отношении Толстого. Секретарь и последователь Толстого — В. Ф. Булгаков — в предисловии к «Христианской этике» (1917), своеобразному компендиуму из толстовских религиозных сочинений, критикует позицию немецкого теоретика анархизма, прежде всего за искажение религиозного учения Толстого. «Изложение анархических взглядов Толстого в известной книге Эльцбахера при своей точности страдает огромным недостатком, именно: излагает политические взгляды Толстого вне зависимости от его религиозных взглядов. Между тем Толстой является прежде всего религиозным писателем, а никак не политическим» [24, с. 4].

Это замечание тем удивительнее, что даже эпиграф Эльцбахера к главе, посвященной Толстому, подобно булгаковскому сочинению, представляет собой набор известных толстовских высказываний религиозного характера и начинается с фразы: «Толстой называет “христианством” основную черту своего учения; но под христианством он имеет в виду не учение какой-либо христианской церкви... а чистое учение Христа» [23, с. 192]. Согласно В. Булгакову, Эльцбахер уловил лишь внешнюю, а не внутреннюю связь между толстовским описанием христианства и его критикой, неприятием и отвержением государства и всех его институций. Он пошел по пути распространенного обобщения: критикует, разоблачает, называет злом государство, право и собственность, борется с «милитаристскими налогами» — значит, анархист и революционный оппозиционер, а Христос — лишь этический «довесок» в этом разговоре.

В короткой переписке Толстого с Эльцбахером это недоразумение получило некоторое разъяснение. Для Толстого любая политическая доктрина, даже самая симпатичная, основана на принуждении и насилии. Поэтому он никогда не принадлежал ни к какому политическому направлению. Об этом он и напоминает Эльцбахеру, указав, что в его учении ни разу не использовалось слово «насилие», а потому, «то учение, которое вы мне приписываете и которое, в сущности, есть не что иное, как учение Христа, вовсе не политическое, а религиозное учение» [22, т. 72, с. 423]. Эта позиция — разновидность *анархического богословия*, не допускающего внедрение светского нарратива в отношении христианства. На это Эльцбахер делает удивительное замечание: «Я считаю, что вы сделали двоякое открытие: во-первых, то, что по учению Христа высшим законом нашей жизни является любовь, и второе — различные взгляды нашего времени на зло, вытекающее из законов государства, собственности и пр. Соединение этих двух кругов мышления и тем самым углубление каждого из них является вашим деянием. Я считаю, так и говорю не об учении Христа, а об учении Толстого» [22, т. 72, с. 425]. И все же Эльцбахер настаивал на неразрывности двух плоскостей — христианской и политической в определении анархии, которые у Толстого обрели характер взаимоисключения и даже уничтожения одного другим.

---

⁵ В частности, он писал: «Среди теорий, рассматриваемых как анархистские, есть семь главных. Это теории Годвина (Godwin), Прудона (Proudhon), Штирнера (Stirner), Бакунина, Кропоткина, Тукера (Tucker) и Толстого... Никто не решится оспаривать для них — серьезно, разумеется, — названия анархистских» [23, с. 13].

Человек на пути к анархии: свобода и необходимость

Несмотря на то что все творчество Толстого направлено на преодоление личностного — *животного начала* в самом себе и выход к безличному всеобщему духовному началу, без всяких персональных ограничений, он всегда оставался субъективистом, для которого проблемы личности, религии и свободы были тесно переплетены. Именно в поисках свободы личности и до своего духовного кризиса, и после него он ушел от формального христианства к практической *жизни по Христу* как главному источнику и единственному гаранту свободной жизни человека. Свобода же возможна лишь на пути отказа от своеволия и подчинения себя воле Бога — высшей силе жизни и безальтернативной основе в деле спасения. Истинная религия «состоит в том, что значение жизни признается человеком уже не в достижении своей личной цели или цели какой-либо совокупности людей, а только в служении той воле, которая произвела его и весь мир для достижения не своих целей, а целей этой воли» [22, т. 39, с. 9–10]. Религиозное сознание — высшее в человеке: «сознание своей причастности ко всему. Сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности» [22, т. 54, с. 159]. Высшее сознание в человеке — базовое условие для его встречи с Богом. Он только сам может подготовить эту встречу. И здесь нет места социальным основаниям.

Настоящий христианин — анархичен и монархичен, свободен и подчинен одновременно. Служение высшей Воле делает человека фатально-пассивным, целиком отдающим себя во власть Бога. Именно поэтому Кропоткин писал: «Я поддерживаю агрессивность, и я думаю, что проповедовать пассивность, как это делает христианство, значит быть препятствием на пути прогресса... Что касается Толстого, то если бы он *не был христианином* (курсив П. Кропоткина. — С. К.), а также коммунистом и анархистом (курсив мой. — С. К.), он не имел бы больше успеха, чем анархисты — не говоря уже о его огромном таланте, благодаря которому от него были приняты идеи (например, отрицание правосудия), которые никогда не могли быть приняты, если бы исходили от нас» [25]. То, что для Кропоткина звучит как нечто вполне когерентное (христианство, коммунизм и анархизм), несовместимо в христианском учении самого Толстого. Потому что дело — не в политике и не в религии; дело — в личности.

Несмотря на то что Толстой использует религиозную терминологию и свои политические суждения как будто выводит из нее, логика его размышлений здесь фактически повторяет ту, которую он использовал еще во времена написания «Войны и мира». Речь о диалектике свободы и необходимости: способности жить свободно в заданных условиях неизбежной — фатальной — несвободы. Кажется, что Толстому удалось не просто схватить суть кантовской антиномии между необходимостью подчинения логике жизни по естественным законам, с одной стороны, и неистребимым стремлением к личной свободе — с другой, но и найти свое собственное решение. Для этого он помимо понятия разума вводит понятие сознания, «соединяющее разум и чувства».

Для преодоления дилеммы «свобода — необходимость» он обращается к категории времени, разделив его на «большое» — историческое, поглотившее миллионы индивидуальных человеческих судеб и волю, и малое — «мое» личное время, которое и дарит мне ощущение свободы. «Каковы бы ни были общие законы,

управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит мне. Бесконечно малый момент свободы во времени есть душа в жизни. Прекращение условий времени есть смерть. Бесконечно-великая сумма моментов времени есть сущность свободы, вне времени — есть божество» [22, т. 15, с. 239–240].

Таким образом, Толстой пришел к известному кантовскому выводу о том, что в сфере разума свободы нет, но есть лишь закон необходимости. Подобно Канту он тем не менее настаивает на свободе человека, так как «с точки зрения сознания жизни мы чувствуем в самих себе ту силу, которая производит все существующее» [22, т. 15, с. 244]. Именно эта логика позволяет предполагать, что Толстой находится вне политического — анархического дискурса не только потому, что не разделяет идеи насилия, но и потому, что понимает абсолютную *невозможность изменить ход жизни* (законы) подобным образом.

Сфера свободы ведет человека только к практике духовной жизни. Делается не всегда последовательная попытка преодолеть фатальную необходимость бытия в индивидуально понятой свободе поступка. «Если существует один свободный поступок человека, то не существует ни одного исторического закона и никакого представления об исторических событиях» [22, т. 2, с. 294]. Свободный поступок позволяет человеку вернуться к своему внутреннему «я», которое есть проявление всеобщего божественного начала в нем, перевести регистр интересов с себя (своего эгоистического и животного «я») и своей жизни, как лучшей (на самом деле — это лишь ширмы для поддержания своего животного «я»), на *других* или *Другого* и увидеть мир чужими глазами: будь то лошадь, крестьянин, ребенок, дерево, Христос и т. д. Но чтобы выйти из автоматизма своей бессознательной жизни, наполненной любовью к себе, нужны особая рефлексия и душевная эмпатия (он использует понятие сознания), т. е. нужно еще более мощное основание для обнаружения в себе другого, чем социальная/классовая солидарность или анархическая ненависть к власти. Этим основанием — универсальным Другим — для Толстого стала его вера и практика жизни по Христу. «Перемены наши происходят не через общение с людьми (такие перемены внешние), а через общение с Богом, с разумением, через общение с мыслью, с истиной, через углубление в нее. Мысль человека, сознание его — это тот рычаг, которым человек поворачивается» [22, т. 90, с. 262].

С одной стороны, кажется, что Толстой действительно мыслит в рамках установки, характерной для христианского анархиста: для него учение Христа не только показывает свою несовместимость с насильственными формами существования государства и всех его институтов, но и становится их практической проверкой на жизнеспособность. «Государство есть насилие, христианство есть смирение, непротавление, любовь, и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству. Государство не может быть христианским. Христианин не может служить государству. Государство не может... и т. д.» [22, т. 69, с. 167]⁶. Ситуация кажется патовой.

С другой стороны, Толстой движется в обратном направлении в своей разрушительной критике: он не имеет никакой априорной христианской установки, например, на спасение, бессмертие, личную свободу или безвластие; он не соз-

⁶ Из письма В. Г. Черткову от 13 октября 1869 г.

дает религиозную платформу жизни для того, чтобы критиковать и опровергать государство и его институции. Он, в отличие от многих христианских мыслителей, не рассматривает Бога как Царя Небесного, надзирающего над Земным царством и задающим модель «двойного управления» миром. «Его Бог не только сам не является властью... не только не санкционирует никакую земную власть, но и означает для человека уход из любой сферы общественной жизни, где действует государство» [26, с. 49].

Толстой берет Евангельское учение Христа и сквозь его оптику смотрит на себя, мир и веру. Его обращение к Христу и разоблачение культуры, науки, церкви, власти произошли как бы синхронно и были прежде всего связаны с глубочайшей саморефлексией, с саморазоблачением/обличением *собственных* пороков, преступлений, ошибок, а уж затем — с критикой системы, в которой эти пороки и преступления лишь наглядно проявились. То есть он признает только внутренние изменения, абсолютное подчинение сознания и воли человека верховному монарху — Христу, или *жизни по Христу*. Только такая оптика жизни, с его точки зрения, может привести к внешним изменениям — распаду системы власти и ее насильственных институций. Только внутреннее преобразование (категорический императив в отношении исполнения христовых заповедей) позволяет человеку понять ложность или иллюзорность внешних ценностей жизни и отстраниться (осуществить акт духовного отчуждения) от них в процессе фактического неучастия в их воспроизводстве. В этом и будет заключен «монархический анархизм» личности.

Эта духовная метанойя наглядно представлена уже в «Исповеди», «В чем моя вера», «Царство божие внутри вас» и других исповедальных работах конца 1870-х — начала 1890-х годов. Затем Толстой обрушит острие своей критики и на государство, и на искусство, и на церковь. Но это будет не борьба с государственной властью или церковью как самостоятельными социальными структурами, которые необходимо разрушить. Это будет борьба истины против лжи, борьба за личность — ее свободу и право жить по-божески, то есть по-человечески.

Заключение

Традиционно анархизм как тотальное стремление к безвластию связан с критикой политической системы и страстным желанием ее разрушения или внешнего преобразования мира. Поэтому в политической мысли не может быть настоящего — духовного анархизма, так как любой акт сопровождается сознательными ограничениями или духовным принуждением/насилием. Безусловно, Толстой значительно принижал идеи религиозной свободы (теократии), развитые в русском религиозном либерализме, стремившемся найти компромисс между государством и различными институциями, в том числе и в области религии [27].

В конце XIX в. идея анархизма получила новый разворот в христианском сознании интеллигенции, как минимум в двух базовых вариантах: экзистенциальном поиске свободы (учение Бердяева) и толстовстве — новом христианском учении, так или иначе связанном с именем Толстого. Бердяев, в отличие от Толстого, анархист по самоопределению. Он нацелен на поиск абсолютной, ничем не ограниченной свободы и преклонение перед ней. «Кто свободу любит больше насилия, любовь ставит выше власти, внутренне-организованное общество предпочитает всякому внешне-

организованному государству, тот должен признать себя анархистом, хотя бы в мечте. Ведь анархизм как радикальное отрицание власти, государственного союза и насилия в нем над личностью, не есть непременно анархия и хаос» [28, с. 129].

Толстой последовательно и мучительно изживал персонализм в своем учении. Он указал на три способа жизнепонимания: «первое — личное, или животное, второе — общественное, или языческое, и третье — всемирное, или божеское... Человек божеского жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей (в семье, роде, народе, отечестве или государстве), а в источнике вечной, неумирающей жизни — в боге; и для исполнения воли бога жертвует и своим личным, и семейным, и общественным благом. Двигатель его жизни есть любовь. И религия его есть поклонение делом и истиной началу всего — богу» [22, т. 28, с. 69–70]. В этом смысле Толстой настаивает не на анархизме, а, скорее, на «монархизме» — абсолютной власти Бога над человеком.

Данную «монархическую первооснову» толстовского учения Чертков (а вслед за ним и остальные) и назвал христианским анархизмом. Он заметил, что по-настоящему анархичен лишь тот, кто «признает один только внутренний закон, — голос Божий в душе самого человека, т. е. требования совести, просвещенной духовным разумением. И вот это-то духовное разумение указывает нам, что истинный смысл нашей жизни состоит в братстве и единении всех людей» [4, с. 327].

Христианский анархизм Толстого заключен не в борьбе с системой или ее представителями, а в допущении изначального духовного равенства между «рабом и господином» в плане духовной эволюции и преображения каждого человека на пути к Богу. Поэтому и в письмах *к власти*, например к Николаю II, Толстой использует ту же аргументацию, что в обращении к своим единомышленникам или соратникам-толстовцам. Он отвергает не сами по себе институты и авторитеты, но некритичную абсолютизацию истинности лишь государственных — «управленческих законов», вытекающих лишь из статуса власти, а не из жизненности (этичности) этих законов. Он четко показывает катастрофичность такого извращенного положения не только для народа, но и для самой власти. Толстой предлагает власти рационализировать данную ситуацию, соединив политику и этику на религиозной «монархической» основе — жизни по Христу, исполнении его важнейших заповедей — любви и непротivления злу насилieм. Он постоянно критикует неправомерность насильственных действий властей в отношении собственного народа, невозможность уничтожить зло злом, выступая однако с позиции не политического, а исключительного свободного религиозного сознания.

Толстой также был против всяких внешних — оппозиционных, либеральных и прочих — объединений, партий, кружков, институций государства, как того, что существует благодаря партийному насилieму или духовному подавлению *я-личности*. Эти репрессии не так очевидны, как физические или юридические наказания. Но они гораздо страшнее. Говорить о человеке надо не на искусственном — политическом или художественном — языке «господского слова», а на базовом — человеческом, или народном, в его терминологии. Здесь вновь срабатывают «толстовские противоречия».

С одной стороны, он призывает к христианству в его гуманистическом измерении, называя условиями его реализации братство, равенство и свободу — вполне либертианские лозунги. С другой стороны, *непротivление злу насилieм* как

главный принцип поведения и мышления человека выражается в том, чтобы быть принципиально *неполитическим*, не связанным ни с дискурсом власти, ни с оппозицией. *Непротивление* не работает ни с точки зрения официальной политики, ни с точки зрения революционной практики, потому что означает *неучастие* в делах государства, тем более в политических действиях ее оппонентов. Кропоткин правомерно указал, что в этой пассивности нет никакой протестности и анархии.

Для Толстого любая форма активного внешнего сопротивления бессмысленна и вредна. Сознательное неучастие в политике, т. е. отказ от пребывания в наиболее насильственных структурах — судах, армии, полиции и т. д., и есть мирное разрушение системы. На этом пути он пошел значительно дальше своих учителей-просветителей с их концепциями общественных договоров, создав модель не борьбы, не примирения, не договора, а *отстранения от государства в форме физического и духовного неучастия в его злодеяниях*⁷. Но все это стоит делать — не ради себя, не ради справедливости, а ради реализации божественной воли, которая является религиозной модификацией кантовского императива для Толстого.

Результатом такого мирного «разрушения Карфагена», независимо от интенций Толстого, должно было стать рождение гражданского самосознания, проявляемого в актах мирного неповиновения, саботажа, мирных забастовках и прочих способах обнаружения своей религиозной и сознательной позиции. Частично это и случилось... в Индии, в политической практике гандизма, во многом опиравшейся на идеи Толстого.

Завершая, можно напомнить слова О. Аронсона, который остроумно заметил, что в учениях такого рода «происходит своеобразная вакцинация политики разрушительным для нее вирусом справедливости» [29, с. 261]. Такой вакциной и стало христианское учение Толстого. Он решил стать проповедником христианской жизни, чтобы доказать абсолютную истинность/жизненность Христова учения в мире, устроенном по безбожным законам.

Литература

1. Steenbuch, J. A. (2016), A Christian anarchist? Gregory of Nyssa's criticism of political power, *Political theology*, vol. 17, no. 6, pp. 573–588.
2. Christoyannopoulos, A. and Matthew, S. (eds) (2017), *Essays in Anarchism and Religion*, vol. 1, Stockholm: University Press.
3. Бердяев, Н. А. (1939), *О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии)*, Paris: YMCA-Press.
4. Чертков, В. Г. (2015), По поводу христианского анархизма. Заметки от издательства, в: Талеров, П. И. (ред.), *Анархизм: Pro et Contra. Антология*, СПб.: РХГА, с. 324–330.
5. Christoyannopoulos, A. (2010), *Christian Anarchism: A Political Commentary on the Gospel*, Exeter: Imprint Academic.
6. Christoyannopoulos, A. (2008), Christian Anarchism: A Revolutionary Reading of the Bible, in: Jun, N. J. and Wahl, S. (eds), *New Perspectives on Anarchism*, Lanham, MD: Lexington Books, pp. 149–167.
7. Алексеева, Г. В. (2010), *Американские диалоги Льва Толстого: (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого)*, Тула: Ясная Поляна.
8. Гордеева, И. А. (2016), «Толстовцы» как анархисты, в: *Прямухинские чтения 2015*, М.: Регтайм, с. 145–160.
9. Зорин, А. Л. (2020), *Жизнь Толстого. Опыт прочтения*, М.: Новое литературное обозрение.
10. Зубец, О. П. (2018), Аристократический анархизм Льва Толстого, *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, № 3 (27), т. 1, с. 74–88.

⁷ В советский период эта позиция была названа внутренней эмиграцией.

11. Рябов, П. В. (2007), *Философия классического анархизма (Проблема личности)*, М.: Вузовская книга.
12. Шимко, Р. Н. (2003), Аристократический анархизм Толстого, *Известия Алтайского государственного университета*, вып. 4 (30), с. 22–24.
13. Пирумова, Н. М. (1970), *Бакунин*, М.: Молодая гвардия.
14. Пирумова, Н. М. (1995), Петр Кропоткин и Лев Толстой, в: *Труды Международной научной конференции, посвященные 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина*, М.: Институт экономики РАН, вып. 1, с. 145–156.
15. Эйхенбаум, Б. М. (1928), *Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы*, Л.: Прибой.
16. Мендельсон, Н. (1934), Герцен — Прудон — Толстой, в: *Литературное наследство*, т. 15, М.: Журнально-газетное объединение, с. 282–286.
17. Шелаева, А. А. (2010), Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков — читатели П. Ж. Прудона, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, т. 2, вып. 3, с. 73–78.
18. Christoyannopoulos, A. (2016), Leo Tolstoy's anticlericalism in its context and beyond: A case against churches and clerics, religious and secular, *Religious*, vol. 7, iss. 5, pp. 59–79.
19. Christoyannopoulos, A. (2019), *Tolstoy's Political Thought: Christian Anarcho-Pacifist Iconoclasm Then and Now*, Routledge.
20. Maudi, A. (1901), *Tolstoy and His Problems: Essays*, London: Grant Richards.
21. Medzibovskaya, I. (2018), Tree attempts on Carthage: Tolstoy's Designs of Nonviolent Destruction, in: Cicovacki, P. and Grek, H. N. (eds), *Tolstoy and Spirituality*, Boston: Academic Studies Press, pp. 180–212.
22. Толстой, Л. Н. (1928–1958), *Полное собрание сочинений*: в 90 т., М.: Художественная литература.
23. Эльцбахер, П. (2009), *Суть анархизма*, пер. с нем. Яковенко, Б., М.: АСТ.
24. Булгаков, В. Ф. (1917), *Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого. С письмом Л. Н. Толстого*, М.: Издание издательской комиссии Московского совета солдатских депутатов.
25. Кропоткин, П. А. (1902), Из письма П. А. Кропоткина Максу Нтеллау 5 марта 1902, в: Кропоткин, П. А., *Письма 1901–1910*. URL: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm> (дата обращения: 10.10.2022).
26. Паперный, В. М. (2016), О богопонимании позднего Толстого, в: *Лев Толстой и мировая литература, Материалы IX Международной научной конференции*, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», с. 39–55.
27. Осипов, И. Д. (2015), Власть и вера в философии русского и западного либерализма, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, вып. 4, с. 61–68.
28. Бердяев, Н. А. (1907), *Новое религиозное сознание и общественность*, СПб.: М. В. Пирожков.
29. Аронсон, О. (2017), *Силы ложного. Опыт неполитической демократии*, М.: Фаланстер.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Климова Светлана Мушаиловна — д-р филос. наук, проф.; sklimova@hse.ru

Leo Tolstoy's Christian anarchism: Towards a political theology*

S. M. Klimova

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Klimova S. M. Leo Tolstoy's Christian anarchism: Towards a political theology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 43–56. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.104> (In Russian)

The article specifies the characteristics of Christian Anarchism as applied to the religious teaching of Lev Tolstoy. An attempt is made to overcome the political stereotype of his per-

ception as an anarchist, but to consider it's in the context of Political Theology. The article calls into question the legitimacy of considering his religious teachings in the unambiguous political discourse of Anarchism. If the concept of Christian Anarchism is a special kind of theoretical and ideological oxymoron of “religious politics”, then Tolstoy's teaching is considered as a manifestation of his subjectivism, aimed at simultaneously overcoming the personal, animal element in man and reaching an impersonal universal spiritual principle, without any external restrictions. Freedom, as the most important category of his worldview, is presented rather in the form of religious monarchism — submission to the Divine will and life according to Christ, and not in the form of radical Anarchism. Political Theology is considered as a conscious non-participation of individual in politics — that is, refusal to stay in state structures such as courts, army, police, etc., — is the religious-subjective, peaceful destruction of the system, according to Tolstoy. On this path, he went much further than his Enlightenment teachers with their theories of social contracts, creating a model of not struggle, not reconciliation, not an agreement, but retirement from the state in the form of non-participation in its violence and atrocities. But all this is worth doing — not rebelling anarchically, not for the sake of oneself or social justice, but completely obeying the Divine will, which is a religious modification of the Kantian ethical imperative in Tolstoy's teachings. Chertkov has named this teaching as model of theocratic monarchism.

Keywords: Tolstoy, monarchism, Christian Anarchism, Political Anarchism, philosophy of freedom, necessity, non-participation.

References

1. Steenbuch, J. A. (2016), A Christian anarchist? Gregory of Nyssa's criticism of political power, *Political theology*, vol. 17, no. 6, pp. 573–588.
2. Christoyannopoulos, A. and Matthew, S. (eds) (2017), *Essays in Anarchism and Religion*, vol. 1, Stockholm: University Press.
3. Berdyaev, N. A. (1939), *On Human Slavery and Freedom (Experience of Personalistic Philosophy)*, Paris: YMCA-Press Publ. (In Russian)
4. Chertkov, V. G. (2015), On Christian Anarchism. Notes from the publisher, in: Talerov, P. I. (ed.), *Anarchism: Pro et Contra: Anthology*, St Petersburg: RKhGA Publ., pp. 324–330. (In Russian)
5. Christoyannopoulos, A. (2010), *Christian Anarchism: A Political Commentary on the Gospel*, Exeter: Imprint Academic.
6. Christoyannopoulos, A. (2008), Christian Anarchism: A Revolutionary Reading of the Bible, in: Jun, N. J. and Wahl, S. (eds), *New Perspectives on Anarchism*, Lanham, MD: Lexington Books, pp. 149–167.
7. Alekseeva, G. V. (2010), *Leo Tolstoy's American Dialogues: (from the personal library of Leo Tolstoy)*, Tula: Izdatel'skii dom "Iasnaia Poliana" Publ. (In Russian)
8. Gordeeva, I. A. (2016), “Tolstovians” as anarchists, *Priamukhinskie chteniia 2015*, Moscow: Regtaim Publ., pp. 145–160. (In Russian)
9. Zorin, A. L. (2020), *A Life of Tolstoy. The Experience of Reading*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
10. Zubets, O. P. (2018), Leo Tolstoy's Aristocratic Anarchism, *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, no. 3 (27), vol. 1, pp. 74–88. (In Russian)
11. Ryabov, P. V. (2007), *Philosophy of Classical Anarchism (The Problem of Personality)*, Moscow: Vuzovskaia kniga Publ. (In Russian)
12. Shimko, R. N. (2003), Tolstoy's Aristocratic Anarchism, *Izvestiya of Altai State University*, no. 4 (30), pp. 22–24. (In Russian)
13. Pirumova, N. M. (1970), *Bakunin*, Moscow: Molodaia gvardiia Publ. (In Russian)
14. Pirumova, N. M. (1995), Peter Kropotkin and Leo Tolstoy, *Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennye 150-letiiu so dnia rozhdeniia P. A. Kropotkina*, iss. 1, Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., pp. 145–156. (In Russian)

---

* This article was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>.

15. Eichenbaum, B. M. (1928), *Tolstoy. Book the First. The 1950s*, Leningrad: Priboi Publ. (In Russian)
16. Mendelson, N. (1934), Herzen — Proudhon — Tolstoy, *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 15, Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., pp. 282–286. (In Russian)
17. Shelaeva, A. A. (2010), L. N. Tolstoy and N. S. Leskov are a readers of P. Proudhon, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 2, iss. 3, pp. 73–78. (In Russian)
18. Christoyannopoulos, A. (2016), Leo Tolstoy's anticlericalism in its context and beyond: A case against churches and clerics, religious and secular, *Religious*, no. 7 (5), pp. 59–79.
19. Christoyannopoulos, A. (2019), *Tolstoy's Political Thought: Christian Anarcho-Pacifist Iconoclasm Then and Now*, Routledge.
20. Maudi, A. (1901), *Tolstoy and His Problems: Essays*, London: Grant Richards.
21. Medzibovskaya, I. (2018), Tree attempts on Carthage: Tolstoy's Designs of Nonviolent Destruction, in: Cicovacki, P. and Grek, H. N. (eds), *Tolstoy and Spirituality*, Boston: Academic Studies Press, pp. 180–212.
22. Tolstoy, L. N. (1928–1958), *Complete Works*, in 90 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
23. Elzbacher, P. (2009), *The essence of an anarchism*, transl. by Yakovenko, B., Moscow: AST Publ. (In Russian)
24. Bulgakov, V. F. (1917), *Christian Ethics. Systematic Essays on the Worldview of Leo Tolstoy. With a letter by L. N. Tolstoy*, Moscow: Izdanie izdatel'skoi komissii Moskovskogo soveta soldatskikh deputatov Publ. (In Russian)
25. Kropotkin, P. A. (1902), From Kropotkin's letter to Max Ntellau 5 marta 1902, in: Kropotkin, P. A., *Letters 1901–1910*. Available at: <http://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters90.htm> (accessed: 10.10.2022). (In Russian)
26. Paperniy, V. M. (2016), On the Late Tolstoy's Understanding of God, in: *Lev Tolstoy i mirovaia literatura, Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Tula: Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana" Publ., pp. 39–55. (In Russian)
27. Osipov, I. D. (2015), Power and Faith in the Philosophy of Russian and Western Liberalism, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, iss. 4, pp. 61–68. (In Russian)
28. Berdyayev, N. A. (1907), *The New Religious Consciousness and the Public*, St Petersburg: M. V. Pirozhkov Publ. (In Russian)
29. Aronson, O. (2017), *The Forces of the False. The Experience of Non-Political Democracy*. Moscow: Falanster Publ. (In Russian)

Received: August 23, 2022
Accepted: November 3, 2022

Author's information:

Svetlana M. Klimova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; sklimova@hse.ru